

УДК 008:316

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ И МУЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Марченко Ю. Г., доктор культурологии, профессор кафедры дизайна, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, академик Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник высшей школы России (г. Новосибирск). E-mail: Teneshev@yandex.ru

В статье рассматривается народная музыка и песня как источник жизненных сил человека, общества и самой национальной культуры. Эти источники обеспечивают и экологичность, устойчивость культуры и, как следствие, качество жизни.

Ключевые слова: народная песня и музыка, жизненные силы, экология культуры, баян, гармонь, социологические исследования.

FOLK SONGS AND MUSIC AS A VITALITY SOURCE FOR MAN, SOCIETY AND QUALITY OF LIFE INDICATORS

Marchenko Yu. G., Doctor of Culturology, Professor of Chair of Design, Novosibirsk State Architectural Art Academy, Academician of Petrovsky Academy of Arts and Sciences, Honorary Worker of Higher Education of Russia (Novosibirsk). E-mail: Teneshev@yandex.ru

The article argued on position of the unilateral development of ecological thought in social science and humanities. Attention of researchers is focused almost entirely on the natural eco-issues and only the initial state remains in eco-cultural, cultural and ecological theme. Human Ecology with a few fragmentary appeals are limited to biological problems, but not rising to the spiritual, moral and spiritual foundations of human nature. Hence the inevitable consequence is not harmless, in non-ecological culture a man plays as a subject of culture that closes the circle. Ecology of culture as a new research direction was announced only in the last third of the 20th century (D. S. Likhachev, 1979), but yet the active and continuous movement in this direction. There are only initiatives, such as supporting attention to promising areas of knowledge, but not as a precedent, indicating serious progress in this direction (L. G. Borisov, D. V. Brewers, G. Marchenko, S. Grigoriev and others) [4; 7, p. 36; 13; 16].

Culture cannot be eco-friendly without a constant supply of vitality, powerful vehicle that has always been and remains popular musical, singing and dance creativity. Entertaining mass culture, liberal market conditions supersede ideological co-natural eternal art treasures from the private and public life, so curtailed, weakening one of the most important factors in quality of life. The very same culture is an absolute integrated source of vitality for the individual and society, and “kulturvitalizm” signifies a new approach to defining the role of culture in human existence.

What is preserved in the Russian society potential folk-song culture? To answer this question, the author and his closest colleagues S. I. Grigoriev and N. A. Primerov in this case of studies have undertaken the nationwide poll of public attitude to Russian folk music, accordion and harmonica (2008–2013). The situation in the field of culture is dramatic. Once most people’s favorite musical instruments, bayan and accordion, become a rarity at home and in general and professional music education. Amateurs increasingly replaced by purely professional. However, people’s interest in folk song, accordion and harmonica is still high. They marked and opposed to denationalizing processes. And it is currently not yet completely missed opportunities are overdue correction of cultural policy in order to revive folk music singing culture, performing the Russian folk instruments will give the greatest effect.

Keywords: folk song and music, vitality of man, ecology of culture, bayan, harmonica, sociological research.

Культура не может быть экологичной без постоянного притока жизненных сил, мощным носителем которых всегда было и остается народное музыкально-певческое и танцевально-плясовое творчество. Развлекательная массовая культура, либерально-рыночная идеологическая конъюнктура вытесняют извечные соприродные художественные ценности из частного и общественного быта, поэтому свертывается, слабеет один из важнейших факторов качества жизни. Сама же культура есть безусловный интегрированный источник жизненных сил для человека и общества, а «культурвитализм» обозначает новый подход к определению роли культуры в человеческом существовании.

Каков же сохранившийся в российском обществе потенциал народно-песенной культуры? Для ответа на этот вопрос автор статьи и его ближайшие коллеги С. И. Григорьев и Н. А. Примеров предприняли всероссийские социологические исследования отношения населения России к народному музыкальному творчеству, баяну и гармонии (2008–2013). Ситуация в этой области культуры драматическая. Некогда самые любимые в народе музыкальные инструменты – баян, гармонь – становятся редкостью, и в быту, и в общем и профессиональном музыкальном образовании. Самодетельное исполнительство все больше замещается чисто профессиональным. Однако интерес населения к народной песне, баяну и гармонии еще высок. Заметно и противостояние денационализирующим процессам. И именно в настоящий момент пока еще не упущенных полностью возможностей назревшая коррекция культурно-политического курса с целью возрождения народной музыкально-певческой культуры, исполнительства на русских народных инструментах даст наибольший эффект.

Заявленная тема является по своей сущности эколого-культурной. Эколого-культурная проблематика до сих пор остается на периферии социального и гуманитарного знания. Сама культура как общественное явление еще не отстояла своего приоритета и пока находится в положении «надстройки». Экология культуры как живого организма для многих и образованных людей сегодня – непонятная вещь. Эколого-природная активность современного российского общества сосредоточилась на гигиенических операциях:

на контроле квот ядовитых сбросов и выбросов, на восстановлении разрушенных природных систем и некоторых других делах, что, безусловно, очень важно, у этого направления есть своя теория и практика. Эколого-культурная же активность носит пока лишь книжный характер, здесь нет личностной и общественной практики, и поле культуры не «врачуется» от стихийных и сознательных повреждений, несоположенных с ее природой привнесений.

Именно неэкологичность нашей культуры, беззащитность перед целенаправленными или стихийными разрушениями, отсутствие работы по ее «очищению», восстановлению и охране – той работы, которая как-то ведется в природной среде, – и лежит в основе многих наших социальных расстройств и затянувшейся более чем на два десятилетия «смуты». Уровень нашего духовного и душевного, а как следствие, и телесного здоровья – крайне низкий, и продолжает понижаться. Нет все сосредоточивающих жизнестроительных идей, нет таких и настроений. В поэтической форме отражение сути нашей трагедии мы находим у Ф. И. Тютчева:

Не плоть, а дух растлился в наши дни.

И человек отчаянно тоскует....

Забыты-заброшены нами и такие подлинники источники жизненных сил как народная песня, музыка, исконный танец, пляска. Общественная жизненная среда, ее звуковая сфера захвачена авангардным «пением», распущенными ритмами и интонациями. Музыкальная экология, можно сказать, напрочь отсутствует в общественном и личном пространстве российского человека. Нет и элементарной гигиены и санитарии звуковой сферы жизненной среды.

О музыке много сказано поэтического и вдохновенного замечательными людьми всех народов и времен. На исходе XX столетия, как никогда в прошлом, заговорили о музыке ученые – психологи, педагоги, биологи, криминологи, священники, врачи и... военные. И это неизбежно. С вакханалией «современной музыки», представленной роком, «попсой», рэпом и другими формами, звуковая сфера жизненной среды обвалю деградировала, наполнилась чуждыми национальному слуху агрессивными «мелодиями», гармониями, ритмами, темпами, громкостью. Во многом именно по этой причине набирают силу и тревожащие нас социальные следствия.

Рок-музыка вызывает у детей и молодежи зависимость по типу наркотической, и она вполне обоснованно может быть обозначена как невещественный психофизиологический наркотик. Научных исследований на этот счет уже довольно много [3; 8; 11; 12; 14; 15; 17; 18]. Однако в силу бесконтрольности процессов рекреации, развлечения массовый человек в современной России, можно сказать, вдавнен, впрессован в мутную звуковую стихию и не осознает ее деструктивного влияния. Эта «музыка» звучит по сетевому радио и ТВ, в общественном и личном транспорте, в магазинах, на больших и малых празднествах, в сотовых телефонах и... проще сказать, где она пока еще не звучит – в операционных палатах, на кладбищах, в читальных залах библиотек и, может быть, где-то еще. Но мало сказать, что «звучит» – она вытесняет из жизненной среды соприродную, национальную музыку. И получается, что вместо подпитки, притока жизненных сил из среды обитания, человек в инородном, деструктивном «звуковом заключении» дополнительно тратит массу внутренней энергии на адаптацию к извращенным условиям информационно-звукового существования.

Но музыка может выступать и как созидающее средство. Соприродная человеку, народу музыка духоподъемна, благодатна, жизнезащитна. Народная песня и музыка – мощный источник духовных и телесных сил. Песня с незапамятных времен была глубоко вкоренена во все сферы труда и быта русского народа. Это обстоятельство обусловило исключительно богатое жанровое разнообразие в певческой культуре. Песня снимала трудовое напряжение, усталость, врачевала душевное смятение и печаль, тем самым укрепляла и телесное здоровье. Например, прядение, перебирание зерен – труд монотонный и утомительный, облегчался пением обычно тяжелых песен.

О жизнедеятельной роли песни очень выразительно сказано у современного русского поэта Константина Скворцова («Матушка пела»): «Больше она ничего не имела, / Только свой голос, чистый, родной. / Не было хлеба, матушка пела, / И оттого я остался живой». Художественный руководитель и главный дирижер выдающегося государственного русского оркестра «Боян» сообщал автору данной статьи о том, как японцы научным путем пытались доказать жизнедеятель-

ную силу русской народной песни. И то, как в период гастролей «Бояна» по Японии его репертуар записывался в специальных студиях музыкально-терапевтических учреждений. В первую очередь записывались песни-премьеры. Повторные исполнения, тиражирование, стало быть, понижают «энергетический потенциал» песни или музыкальной пьесы.

Согласно специальным экспериментальным данным одна музыка дает жизненные силы и порождает созидательные эмоции, другая – отнимает их и порождает разрушительные эмоции. Обратимся к трудам профессора В. П. Морозова – главного научного сотрудника Института психологии РАН, руководителя Отдела научно-экспериментальных исследований музыкального искусства Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, а также создателя и руководителя Центра «Искусство и наука», организатора (с 1997 года) круглых столов «Музыка-психика-здоровье». В. П. Морозов и его коллеги Ю. М. Кузнецов и А. В. Харуто обследовали солистов академического жанра (Ф. И. Шаляпин, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, Дж. Лаури-Вольпи и др.), а также солистов различных групп тяжелого рока («Metallica», «AC-DC», «Gorguts» и др.), различных поп-ансамблей (М. Джексон, «ДДТ» и др.). Аудиторией в основном были психологи и музыковеды. В их задачу входило прослушивание исполнения вокалистов и определение по 10-бальной шкале характера и степени эмоциональной выразительности. Наиболее высокие показатели благополучия, радости, пришлось на первую (академическую) группу исполнителей. Показатели страха, злости, агрессивности были здесь наименьшими. Солисты же поп-ансамблей и особенно тяжелого рока вызывали наибольший накал отрицательных, разрушительных эмоций и наименьшие – созидательных [15]. Не будем преувеличивать степень научной проработки этой темы, пока это только начальные подступы к большой и многогранной научной теме, имеющей, на наш взгляд, глубокую перспективу и значение одного из важнейших ресурсов роста общественного самосознания.

Но автор все же полагает, что музыка – выразительный и безошибочный тест на истинное положение дел в стране, на качество управления и жизни населения. Это вернейшее «зеркало», в котором можно увидеть угрозы нации и госу-

дарству. Уже в древности мудрые люди (Платон, Конфуций и множество других) замечали, что музыка благополучного времени светлая, жизнеутверждающая, радостная и более спокойная. Злополучному времени соответствует мрачная, агрессивная музыка, музыкальное неистовство, музыка гибели.

Музыка мобилизована теперь, и в качестве оружия массового поражения включена в арсеналы боевых средств армий мира [1; 10]. Роковая, погребальная музыка эффективно применялась американцами в военных операциях во Вьетнаме, в Ираке и других местах. Свою меру в разрушении СССР имела и «современная музыка», «попса», «интернет-болтовня», о чем откровенно высказался один из крупных идеологов американского господства над миром и противник возрождения России З. Бжезинский в своей «Великой шахматной доске...» [2]. Массовое сознание сегодня приучено к тому, чтобы музыкой считать все, что покрывается этим древним понятием, и что это все однозначно хорошо.

С 1985 года в России началась напористая и жесткая звуковая проработка жизненной среды. Тогда были сняты все ограничения для «ценностей» антикультуры. Из сетевого радиорепродуктора полилось «искусство», сориентированное на инстинкты – то, что в любом здоровом обществе было вытеснено в психологическое подполье и удерживалось там конструктивным воспитанием и образованием, жизнеутверждающей государственной культурной политикой. «Перестройка» отменила препятствия для низменного и безобразного, чем довольно скоро заполнилась жизненная среда. Заверения главного идеолога страны о том, что грубые вещи, например, «хэви-метал», «панк-рок» в эфир допущены не будут, не осуществлялись. К чему это реально приводит? Теперь, когда мы узнаем из СМИ об очередном подростковом суициде, мы утешаем себя, что следственный комитет разберется, найдет причины их гибели, а значит, будет возможно не допустить повторение трагедии. Но какой следственный комитет в подобных случаях укажет на агрессивную, расчеловечивающую дискотеку, на тайные воздействия на подсознание молодых людей? Ведь «современная музыка» (музыкальный масскульт) создается по образцу промышленного производства. В ней нет национальных корней, она беспочвенна, несоприродна нацио-

нальному мышлению и переживанию. По этому поводу ответственные, совестливые и мужественные ученые уж не раз били тревогу, но деятельной реакции соответствующих лиц и институтов не последовало. Мы лишь постепенно и с большим трудом изменяем свои представления о благосостоянии, уровне жизни как лишь материальном достатке. По-прежнему в нашей «потребительской корзине» нет и минимума народных, национальных песенных и музыкальных «продуктов», а, следовательно, мы продолжаем упражняться в выживании как существа только телесные, «однова живущие».

В настоящее время интенсивно развивается новое научное направление социального и гуманитарного знания – культурвитализм, виталистская социология, сознательно акцентирующие жизнесохраняющие, жизнезащитные функции народного искусства и творчества. Первый этап формирования теории жизненных сил человека, общества и самой культуры, можно сказать, пройден. Начало этому положила алтайская школа виталистской социологии во главе с ее исключительно деятельным пионером и организатором, профессором Святославом Ивановичем Григорьевым. С середины 1990-х годов вышел в свет целый ряд научных трудов, адресованных российскому обществу XXI века [5; 6; 9; 19]. Обозначился и рубеж между сторонниками опасной для будущего страны эконоцентричной модели общественного развития и перспективной культуроцентричной моделью, с большим напряжением и препятствиями утверждающейся в социогуманитарном знании. Культуроцентричность образования и воспитания, государственного строительства и социального развития, приоритет культурологической экспертизы всех государственных и общественных проектов и программ – дело стратегически важное. И суть этого великого дела органически исходит из духа великой русской культуры, из ее миромыслия и мирочувствия.

Жизнедеятельным основанием русской и любой другой национальной культуры всегда являлась и является культура корневая, «неученая», она исторически самодельна по своей природе и питает культуру «ученую», профессиональную. Но народная музыка и песня – корни и соки русской национальной культуры – сегодня в угрожаемом и неустойчивом положении.

Для выяснения остаточной мощи народного музыкально-песенного потенциала по инициативе автора этих строк, при самой энергичной поддержке названного ученого-социолога, профессора С. И. Григорьева и знаменитого народного музыканта и музыкально-общественного деятеля Н. А. Примерова в мае 2008 года начались никогда в истории нашей культуры не проводившиеся всероссийские социологические исследования. Их тема – «Современная Россия: отношение населения к народному музыкальному творчеству с применением баяна и гармони». К началу 2014 года эти исследования в основном завершились. Наступила полоса обобщающей аналитической работы. Изданы в Москве двенадцать монографий, содержащих обширный материал по оценке населением и экспертами состояния и динамики народного музыкального творчества. И сегодня уже можно судить, хотя пока не во всем окончательно, о реальном остаточном потенциале народной музыкально-песенной культуры, сохраняющемся интересе населения к некогда самым любимым в народе инструментам – баяну и гармонии.

Гармонисты на селе ныне становятся редкостью. Участники уникального явления в культурной жизни России – общественного Международного Маланинского конкурса-фестиваля (проводится в г. Новосибирске в течение последних 25 лет) сообщают, что сегодня в большом российском селе один, обычно пожилой, гармонист, и уже встречаются случаи, когда на 2–3 села нет и одного. Не бродят девушки с любимым гармонистом по деревенским улицам до полуночи, не звенят их голоса, умолкли страдания под лирические вздохи гармони... Гармонь ушла в город, но и здесь, и там – из быта на сцену. Народ разделился на «артистов», и «зрителей», на творцов и потребителей. Гармонисты и баянисты все больше становятся живыми памятниками, экспонатами «музея» *народной* музыкальной культуры. Да и на сцене – этом «живом музее» – управленцы от культуры гармонистов мало привлекают, сужается или всегда под угрозой их творческое поле. Взамен дети и молодежь черпают «музыку» из компьютеров и сотовых телефонов, на деструктивных во всех отношениях дисках. Один, но весьма показательный пример. В 1960–1970-е годы в крупных детских музыкальных школах областных и краевых центров

страны были многолюдные отделения народных инструментов. Только педагогов-баянистов в них было до десятка, случалось, и более. И работали многие из них тогда на 1,5 ставки. Детей принимали по конкурсу. Теперь же и в крупных ДМШ и ДШИ нередко и один педагог-баянист не может набрать себе учеников.

Так каким же видит потенциал народной музыкально-песенной культуры сам народ, участники массового и экспертного опросов? Как сегодня оценивается интерес населения к баяну и гармонии в России? Если взять две главные («оптимистические») позиции таблицы, отражающей интерес участников всероссийского массового опроса к народной музыке, баяну и гармонии, а именно позиции «регулярно и с большим интересом» и «достаточно часто», то увидим следующее. Минимум суммарного значения этих позиций пришелся из изученных регионов на Алтайский край – 28,0 % респондентов, максимум – на Кузбасс – 79,0 %. Если же учесть сумму всех степеней интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии (плюс «от случая к случаю», «довольно редко» и «очень редко»), то картина несколько изменится. Минимум интереса придется на Ханты-Мансийский автономный округ – Югру – 77,9 % респондентов, а максимум – на Краснодарский край – 99,2 % респондентов. Кубань остается народно-музыкальным лидером современной России. Будь по-прежнему в составе России Украина, то, несомненно, она в народно-музыкальном и песенном отношении поспорила бы с Кубанью за десятые доли процента. Теперь же Кубань – самая народно-музыкальная и песенная земля России. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре наименьший интерес к баяну и гармонии мало связан, если вообще связан, с национальным составом. Кстати, среди опрошенных в округе русских 70,2 % всего населения. Кроме русских там еще 9 национальностей. Дело в том, что здесь в основном «вахтовое», неоседлое население, и это о многом говорит.

И хотя интерес населения к своей музыкально-песенной культуре, с учетом всех его степеней, еще огромен, однако тенденция на его убывание-затухание очевидна, и в самом недалеком будущем, если оставить нынешний культурно-политический курс без принципиальной коррекции, это может привести к обвалу. И еще. Несмотря на очевидный интерес людей к народ-

ной музыке, баяну и гармонии, с его удовлетворением – большие проблемы. Целого пласта или единой системы народного музыкально-песенного искусства уже нет. Пока остаются, и в небольшом количестве, всякого рода творческие коллективы, объединения, клубы, общества. По условиям своего существования они напоминают (здесь больше подходит язык военного времени) отдельные «укрепрайоны», «брестские крепости», окруженные и теснимые антинациональной, антикультурной стихией. Стратегическая ценность этих народно-художественных «крепостей» огромна.

Такой вот «брестской крепостью» народной музыкальной культуры является и упомянутый выше и неповторимый ни в России, ни в мире Международный Маланинский конкурс-фестиваль, существующий уже четверть века в основном на скромные народные пожертвования. До полутора тысяч участников – от Парижа до Камчатки: от дошкольников до седовласых старцев; от редчайших самородков, «слухачей» до профессоров музыкальных вузов; от претендентов на самое первое в своей жизни звание до лауреатов международных и всероссийских конкурсов, народных и заслуженных артистов России. Конкурс-фестиваль всегда продолжается целую неделю. В его рамках проводятся научно-практические конференции, «круглые столы», мастер-классы. Концертные группы дают до 100 и более благотворительных концертов на предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях, в клубах, интернатах, воинских частях.

Теперь обратимся к динамике интереса населения к родной музыке, баяну и гармонии. Что на этот счет отметили участники массового опроса и эксперты? Остановим внимание на позиции «интерес масштабно растет». Минимальный рост зарегистрирован нами в Алтайском крае – респондентов 5,0 %, экспертов – 4,0 %, максимальный рост – в Кузбассе – респондентов 11,4 %, экспертов – 6,8 %. Эксперты, как видим, к оценке роста интереса населения к баяну и гармонии относятся значительно строже, менее оптимистично. Основная масса и респондентов, и экспертов утверждает, что интерес населения к народной музыке, баяну и гармонии «растет незначительно». Приведем и в этом случае крайние значения: минимальный такой показатель зарегистрирован опять же в Алтайском крае – респондентов 9,0 %, экспертов – 15,0 %, максимальный в Белгородской об-

ласти – респондентов 54,2 %, экспертов 46,8 %. Алтайские эксперты оказались значительно большими оптимистами, чем респонденты. Белгородские эксперты к оценке роста интереса подошли строже. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что максимальное значение роста интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии невелико (позиция «интерес масштабно растет»). А вот показатель по позиции «интерес масштабно падает» в большинстве исследованных регионов России вдвое – втрое больший (максимум падения на Ставрополье: респондентов 26,8 %, экспертов 22,2 %; минимум падения в Белгородской области: респондентов 3,0 %, экспертов 4,8).

Проведем простую счетную операцию. Сложим величины масштабного и незначительного роста интереса, тоже сделаем и с величинами незначительного и масштабного падения, а показатель позиции «интерес сохраняется на прежнем уровне» поровну поделим между позициями всякого роста и всякого падения, и мы увидим следующее. Максимальное значение роста интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии приходится на Белгородскую область – респондентов 76,3 %, экспертов 84,4 % (!). Минимальное значение роста интереса зарегистрировано в Алтайском крае – респондентов 23,5 %, экспертов 27,0 %. Теперь о падении интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии. Максимум падения приходится на Кузбасс (Кемеровскую область) – респондентов 56,7 %, экспертов 60,2 %; минимальные значения падения интереса зарегистрированы в Белгородской области – респондентов 16,7 %, экспертов 13,1 %.

По регионам России наблюдается неровная картина: в одних регионах рост интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии несколько превышает меру его падения, в других наблюдается незначительный перевес падения. В целом положение напоминает «перетягивание каната». И хотя есть еще в русском народе (а у других коренных российских народов и того более) довольно серьезный интерес к родной музыке, песне, баяну и гармонии, велики риски обвала интереса, если еще сколько-нибудь долго сохранится государственный денационализирующий культурно-политический курс. Что же касается современных детей, захваченных компьютерными играми и дис-

котечной стихией, то и они еще не потеряны для будущего страны. Так, в 2011 году в целом ряде школ и других учебных заведениях г. Новосибирска были проведены оригинальные социологические исследования. В школу приходит Н. А. Примеров со своими учениками-гармонистами, они рассказывают о гармонии, прекрасным образом демонстрируют инструмент в деле, просят школьников заполнить анкеты. И что в итоге? Школьни-

ки с восторгом слушали выступления своих сверстников, а более 70 % из них высказали желание научиться играть на гармонии. Как легко еще оживает в детях музыкально-генетическая память, и в этом наша надежда! Правда, сегодня далеко не во все школы могут быть допущены примеровские гармонисты, но это уже вопросы общей культурной политики в стране и необходимости ее благотворной коррекции.

Литература

1. Артамошкина Л. В. Информационно-психологическое обеспечение действий вооруженных сил в локальных войнах и конфликтах // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. – М.: Генерал. штаб Вооруж. сил РФ, 2001. – Вып. 1 (130). – С. 74–88 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы – М.: Междунар. отношения, 1999. – 254 с.
3. Боголюбов Н. Музыка преисподней (шаманизм, наркотики и рок-музыка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rus-sky.Org/history/library/bogolubv/bogolubv2.Html>.
4. Борисова Л. Г. Экология культуры как научная дисциплина // Научная деятельность в системе современной культуры. – Новосибирск, 1987. – С. 178–204.
5. Григорьев С. И., Демина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. – Барнаул: АлтГУ, 1996. – 247 с.
6. Григорьев С. И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего: избр. ст. по неklas. социологии. – Барнаул: Изд-во АРНЦ СО РАН, 2001. – 229 с.
7. Григорьев С. И., Марченко Ю. Г. Экология культуры ноосферной цивилизации: основы сохранения развития жизненных сил человека и общества в России начала XXI века. – М.; Новосибирск: Русаки, 2009. – 260 с.
8. Дунаев М. Роковая музыка // Наш современник. – 1988. – № 1. – С. 157–168; № 2. – С. 163–172.
9. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века / под ред. С. И. Григорьева. – М.: Магистр-пресс, 2003. – 380 с.
10. Макаренко В. А. Музыка как средство психологического воздействия // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. – М.: Генеральный штаб Вооруженных сил РФ, 2001. – Вып. 1 (130). – С. 60–73.
11. Маркова Н. Е. Культуринтервенция. – М.: Квадрат-С, 2001. – 90 с.
12. Марченко Ю. Г. Культ света. – Новосибирск: Новосибир. книж. изд-во, 1990. – 216 с.
13. Марченко Ю. Г. Экология культуры: история, состояние перспективные пути развития // Философия образования. – 2004. – № 4. – С. 82–96.
14. Марченко Ю. Г. Русская культура в XX веке: трансформация системообразующих оснований (процессы 1920 и 1990-х годов исторические аналоги и особенности). – Новосибирск: СГГА, 2006. – 447 с.
15. Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники / ИП РАН, МГК им. П. И. Чайковского, Центр «Искусство и наука». – М., 2002. – 496 с.
16. Пивоваров Д. В. Религиозная сущность культуры. Взаимодополнение научного и религиозного познания // Бытие культуры: сакральное и светское. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 142 с.
17. Режимбаль Ж.-П. Рок-н-ролл или наплыв музыкального неистовства // Литературная Россия. – 1989. – № 18 (1370). – С. 16–17.
18. Чиркин А. Подростки, семья и рок-музыка // Наш современник. – 1988. – № 10. – С. 141–149.
19. Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / под ред.: С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. – М.: Магистр-пресс, 2000. – 242 с.

References

1. Artamoshkina L. V. Informacionno-psihologicheskoe obespechenie dejstvij vooruzhjonnyh sil v lokal'nyh vojnah i konfliktah // Informacionnyj sbornik po zarubezhnym stranam i armijam. – M.: General. shtab Vooruzh. sil RF, 2001. – Вып. 1 (130). – S. 74–88.
2. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. – M.: Mezhdunar. otoshenija, 1999. – 254 s.
3. Bogoljubov N. Muzyka preispodnej (shamanizm, narkotiki i rok-muzyka) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.rus-sky.Org/history/library/bogolubv/bogolubv2.Html>

4. Borisova L. G. Ekologija kul'tury kak nauchnaja disciplina // Nauchnaja dejatel'nost' v sisteme sovremennoj kul'tury. – Novosibirsk, 1987. – S. 178–204.
5. Grigor'ev S. I., Djomina L. D., Rastov Ju. E. Zhiznennye sily cheloveka. – Barnaul: AltGU, 1996. – 247 s.
6. Grigor'ev S. I. Vitalistskaja sociologija: paradigma nastojashchego i budushchego: izbr. st. po neklas. sociologii. – Barnaul: Izd-vo ARNC SO RAN, 2001. – 229 s.
7. Grigor'ev S. I., Marchenko Ju. G. Ekologija kul'tury noosfernoj civilizacii: osnovy sohraneniya razvitija zhiznennyh sil cheloveka i obshchestva v Rossii nachala XXI veka. – M.: Novosibirsk: Rusaki, 2009. – 260 s.
8. Dunaev M. Rokovaja muzyka // Nash sovremennik. – 1988. – № 1. – S. 157–168; № 2. – S. 163–172.
9. Zhiznennye sily russkoj kul'tury: puti vozrozhdenija v Rossii nachala XXI veka / pod red. S. I. Grigor'eva – M.: Magistr-press, 2003. – 380 s.
10. Makarenkova V. A. Muzyka kak sredstvo psihologicheskogo vozdejstvija // Informacionnyj sbornik po zarubezhnym stranam i armijam. – M.: General. shtab Vooruzh. sil RF, 2001. – Vyp. 1 (130). – S. 60–73.
11. Markova N. E. Kul'turintervencija. – M.: Kvadrat-S, 2001. – 90 s.
12. Marchenko Ju. G. Kul't sveta. – Novosibirsk: Novosibir. kniz. izd-vo, 1990. – 216 s.
13. Marchenko Ju. G. Ekologija kul'tury: istorija, sostojanie perspektivnye puti razvitija // Filosofija obrazovanija. – 2004. – № 4. – S. 82–96.
14. Marchenko Ju. G. Russkaja kul'tura v XX veke: transformacija sistemoobrazujushchih osnovanij (processy 1920-h i 1990-h godov istoricheskie analogi i osobennosti). – Novosibirsk: SGGa, 2006. – 447 s.
15. Morozov V. P. Iskusstvo rezonansnogo penija. Osnovy rezonansnoj teorii i tehnik / IP RAN, MGK im. P. I. Chajkovskogo, Centr "Iskusstvo i nauka". – M., 2002. – 496 s.
16. Pivovarov D. V. Religioznaja sushchnost' kul'tury. Vzaimodopolnenie nauchnogo i religioznogo poznanija // Bytie kul'tury: sakral'noe i svetskoe. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1994. – 142 s.
17. Rezhimbal' Zh.-P. Rok-n-roll ili naplyv muzykal'nogo neistovstva // Literaturnaja Rossija. – 1989. – № 18 (1370). – S. 16–17.
18. Chirkin A. Podrostki, sem'ja i rok-muzyka // Nash sovremennik. – 1988. – № 10. – S. 141–149.
19. Sovremennoe ponimanie zhiznennyh sil cheloveka: ot metafory k koncepcii (stanovlenie vitalistskoj sociologicheskoi paradigmy) / pod red.: S. I. Grigor'eva, L. D. Djominoj. – M.: Magistr-press, 2000. – 242 s.